

N

Vladimir Nabokov
Pnin

Владимир Набоков

Пнин

Роман

Перевел с английского
Геннадий Барабтарло
при участии
Веры Набоковой

издательство аст
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н14

Художественное оформление и макет Дмитрия Черногаева

Набоков, Владимир Владимирович.

- Н14 Пнин : роман / Владимир Набоков; пер. с англ. Г. Барабтарло при участии В. Набоковой. – Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2023. – 320 с. – (Набоковский корпус).

ISBN 978-5-17-137839-4

«Пнин» (1957), четвертый англоязычный роман Владимира Набокова, посвящен жизненным перипетиям одного из самых незащищенных и трогательных персонажей в литературе XX века. Настоящий русский интеллигент, прекрасный ученый, но человек чудаковатый и незадачливый, Тимофей Пнин, покинувший Россию после революции 1917 года, преподает русскую словесность в американском университете, где становится случайной жертвой интриг и черствости коллег. Удастся ли ему на этот раз ускользнуть от своего хитроумного создателя, уготовившего ему участь страдальца, вынужденного раз за разом сносить удары судьбы? «Пнин» увидел свет вскоре после скандальной «Лолиты» и, получив восторженные отзывы читателей и критиков, послужил своего рода антитезой бытующему представлению о «безнравственности» и «бездушии» Набокова.

Настоящее издание романа сопровождается предисловием, примечаниями и заключительным очерком переводчика.

Сохранены особенности орфографии, пунктуации и транслитерации переводчика.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-137839-4

- © First published in 1957
Copyright © 1953, 1955, 1957, Vladimir Nabokov
All rights reserved
© Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023
Издательство CORPUS ®

Содержание

Предисловие переводчика 7

ПНИН

Глава первая 15
Глава вторая 41
Глава третья 81
Глава четвертая 107
Глава пятая 141
Глава шестая 172
Глава седьмая 217

Г. А. Барабтарло. Разрешенный диссонанс 239

Примечания 301

*Литература, упоминаемая в статье в сокращенных
наименованиях* 306

Приложение

Послесловие переводчика к первому изданию (1983) ... 311
О переводчике 315

Предисловие переводчика

Предуведомление к первому русскому изданию этой книги начиналось так: «Прошло пятьдесят лет с тех пор, как “Пнин” вышел первым изданием (Doubleday: Garden City, New York, 1957), и почти двадцать пять, как он появился в русском переводе (Ardis: Ann Arbor, Michigan, 1983), и математическая соразмерность этого двоякого события, равно как и семантическая переключка выходных данных (особенно этот мотив удвоения), а также столиц и усадеб, как будто переплетаются в один из тех цветочных рисунков, которые напоминают узоры непревзойденной набоковской работы. Но в отличие от оригинала, мой перевод вещь скоропортящаяся: тотчас по выходе я обнаружил в нем (и это после десяти, кажется, корректур!) уйму неудачных, несуразных и прямо неверно понятых мест...» Прошедшие с тех пор восемь лет уничтожили числовую соразмерность и обнаружили новые неудачные места, требовавшие выправления. Эта необходимая правка сделалась чем-то вроде необходимой периодической замены приводных ремней и подтягивания болтов автомобиля каждые столько-то тысяч верст пробега. Еще в самом начале восьмидесятых годов Вера Набокова, которая тщательно редактировала

перевод, прислала мне список своих поправок, и я тогда же начал их собирать для маловероятного, как казалось тогда, исправленного издания. Спустя пять лет московский журнал «Иностранная литература» попросил позволения перепечатать издание «Ардиса», не без основания полагая Набокова писателем во всяком случае иностранным, и, напечатав, прибавил от себя огромное количество новых ошибок (особенно частых в словах иностранных). Еще через десять лет этот испорченный текст, уже без спроса, вышел книгой в Харькове (где он оказался в обществе двух незнакомцев), но в то время пиратские суда с причудливыми рострами уж давно бороздили ничейные издательские воды во всех направлениях, и новые переложения «Пнина» стали появляться то тут, то там под разными веселыми флагами. В этих обстоятельствах переиздание старого перевода представилось опекунам наследия Набокова желательным. Юбилей казался удобным для того поводом, а новая серия изданий его книг — наилучшим местом*.

К самому первому, мичиганскому, русскому изданию было приложено послесловие переводчика, где, в частности, объяснялись главные черты этого не совсем обычного, мнимо-двойного перевода, где русская или русифицированная английская речь героя передается как бы из вторых рук. Издание «Азбуки» 2007 года представляло собою совершенно новую редакцию — поверхностной отделке или основательной переделке подвергся весь словесный состав книги. Мне хотелось добиться большей верности средствами не только

* За возможные частичные или даже дословные совпадения с другими напечатанными русскими версиями «Пнина» я никак не могу отвечать, потому что никогда не читал ни одного чужого перевода Набокова (кроме двух-трех страниц «Ады» в двух разных изложениях, по просьбе сына Набокова, для сравнительного анализа).

дискретными, т. е. словарными, как оно было в первом издании, но и совокупными — цельными фразами, передающими смысл чужой речи слогом, свойственным автору на родном его языке. Говорю здесь только об одном из условий поставленной себе и целый год упорно преследовавшейся задачи, а не о ее решении, о чем не могу судить не только из приличия, но и потому, что после стольких помарок, колебаний и новых помарок притупляется способность отличать острое от пресного, холодное от горячего, — притупляется самый вкус. С другой стороны, его остается довольно, чтобы сознавать, что шероховатостей еще много, но, сняв в девятый раз стружку, я объявил ее последней и отнял руку и уж теперь больше ею не проведу из опасения все-таки занозить ее.

Юбилейные соображения сделали предыдущее издание несколько отличным по составу от других в той же серии; так, у него имеется обширное послесловие, сохраненное и в этом новом издании. Для чего оно?

Иное дело писать, иное — сочинять, в начальном значении этого слова. Писателей на свете великое множество, но настоящих сочинителей единицы. Набоков возвел искусство соположения составляющих книгу слов, фраз, кусков, глав, тем, пластов, начал и концов на дотоле неведомую и доселе необитаемую высоту. Серьезное чтение его книг таким образом есть искусство того же самого рода, что и сочинение, ибо для настоящего понимания его композиций необходимо после первого чтения еще и еще раз пересекать всю местность романа вдоль и поперек течения местного времени. Это занятие составляет для читателя Набокова высшее наслаждение, и наслаждение это находится в родстве или по крайней мере в свойстве с восторгами самого сочинителя. Дело восхитительно трудное, но опыт учит искать и находить пособия. Например, у любой книги Набо-

кова имеется подробный план местности, снабженный указателями направления преобладающего ветра и высоты над уровнем моря, условными знаками и стрелками и крестиками на месте тайников, но для того, чтобы вычертить хотя бы контурную карту, кладоискателю нужно сначала нанести сигнальные точки, которые требуется потом соединить. Для облегчения этого труда и для лучшей ориентации внутри романа и предлагается истолковательный очерк, напечатанный в виде длинного послесловия. Набоков говорил, что космическое отличается от комического одним свистящим звуком. Но то же можно заметить и в отношении умозрительного и уморительного, так как оба эти нитяных строя составляют, в причудливом и искусном переплете, полотно романа. Эти и другие, более важные антиномии нуждаются в указании и объяснении, без которого эта книга — на вид простая, а на самом деле весьма сложной повествовательной постройки — не может быть оценена по достоинству и даже сколько-нибудь верно понята.

Все те места, которые, по моему рассуждению, могли бы привести в недоумение читателя, не знакомого с американским бытом вообще и академическим в особенности, объясняются в постраничных примечаниях. Я очень хорошо знаю, что примечания вредят повествовательной иллюзии, для которой требуется изоляция от внешнего мира, но пришлось с этим примириться. В конце концов, предисловия и послесловия тоже инородные тела, и они или отторгаются от корпуса романа и пропадают, или приобретают некоторые свойства вымысла, словно хотят быть в свите книги и везде ее сопровождать (у «Лолиты», например, двойной эскорт).

Набоков в каждом предисловии к английским изданиям своих книг считал нужным «послать приветствие венской делегации»; мне же в этом жанре приходится всякий раз касаться вопроса о русском языке. Удив-

ляться ли этому, если вспомнить, что нужно переводить русского писателя непревзойденной силы на язык, который находится в самом жалком состоянии. Профаны полагают, и важно объявляют, словно эта глупость непререкаема, что *язык развивается*. Но то же можно сказать и об опасной болезни. Вопрос в том, можно ли остановить такое развитие, а вовсе не в том, нужно ли пытаться его остановить. В теперешней письменной речи очевидно не только общее стремление к понижению и оскудению средств выражения, как это было раньше на протяжении полувека, но налицо и явная тенденция к испакощению этих средств. Теперь не мастера «развивают» язык, а воры — одни тащат из чужих кошельков, другие из чужих наречий, и так обогащается десятилетиями настоянный на сухофрукте советский говор. И в естественных-то условиях за родным языком в письменности нужен глаз да глаз, ухо да ухо, в одной руке Даль, в другой линейка. Но в бывшей России произошло такое искоренительное надругательство над языком, т. е. над людьми, его в себе «носившими», что и старые книги, изданные по-новому, не остановили и не могут остановить распространение блатной музыки и ворованного американского товара, определяющих теперь норму речи. Кстати о Дале: у меня имеется объявление о новом советском издании его словаря (каталог Торгового Дома «Россия», 2001), где сказано: «Толковый словарь живого великорусского языка, 4 тт. *Впервые на русском языке*». И это в сущности верно, все дело в том, что этим словом называть: или Даль с его толковым, живым и великорусским, или близь, с ее торговым мертвым домом.

В таких безпримерно неблагоприятных условиях, когда не знаешь, можно ли родной свой язык именовать русским, переводить Набокова есть, конечно, дерзость едва ли позволительная. Мой перевод страдает многими неисцелимыми пороками, общими обстоя-

Геннадий Барабтарло

тельствам времени и места, вдобавок к моим собственным. Но все же надеюсь, что благодаря долгим усилиям, благодаря пособию лучшего из возможных сотрудников (у Веры Набоковой было безупречное чувство языка), благодаря, наконец, этой возможности еще раз исправить и улучшить старую работу, русский язык этого «Пнина» лучше больничного рациона из порошкового молока и киселя из порошка, — надеюсь, я хочу сказать, что здесь угадываются другие реки, другие берега.

Вот как Набоков заканчивает одно свое послесловие: «Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо: “Позвольте представиться, — сказал попутчик мой без улыбки, — моя фамилия N.”». Если заменить курсив на стенограмму, профиль на силуэт, а прописной латинский «нашъ» на «буки» — то получится довольно верный реферат этого труда.

Г.Б.

2 июля 2015 г.

Колумбия, Миссури

ПНИН

*Русский перевод посвящается
памяти Веры Набоковой*

Глава первая

1

У северного окна вагона неумолимо мчавшегося поезда сидел пассажир, у которого не было соседей ни рядом, ни напротив; это был не кто иной, как профессор Тимофей Пнин. Совершенно лысый, загорелый и гладко выбритый, он выглядел весьма солидно, если начинать осмотр сверху: большой коричневый купол, черепаховые очки (скрадывавшие младенческое безбровие), несколько обезьянье надгубье, толстая шея и внушительное туловище в тесноватом твидовом пиджаке; но заканчивался он как-то неожиданно парой журавлиных ног (они теперь были одеты во фланелевые штаны и перекинуты одна на другую) с нежными на вид, несколько женскими ступнями.

На нем были неподтянутые носки алой шерсти в лиловых ромбах; его консервативные черные оксфордские башмаки обошлись ему едва ли не дороже всей прочей экипировки (включая и вызываю-